

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ?

Стоял жаркий июньский день 1941 года. Редкие рыхлые облака почти не задерживали солнечных лучей. В старом тенистом парке, что тянулся вдоль улицы, умолкли птицы. Большой зеленый город затих, разомлел. Эту полуденную тишину нарушало лишь звонкое цоканье копыт по булыжной мостовой. Жеребец-тяжеловес коричневой масти с достоинством тащил широкую телегу с горой ящиков, из которых выглядывали лимонадные бутылки.

Напротив парка стоял большой двухэтажный деревянный дом. Окна его были распахнуты, тюлевые занавески не шевелились. На подоконниках цветы в горшках и облупившихся эмалированных кастрюлях. Обитый узкими досками дом выкрашен в коричневый цвет. Но эта косметика не скрывает его преклонного возраста: кое-где лопнула обшивка, из прорех торчит обтрепанная ветром пакля, бурая железная крыша проржавела.

Старый дом известен в городе. Давно-давно здесь было совершено нашумевшее преступление. Гошка Буянов, жилец квартиры № 7, с гордостью показывал всем свой диван. Диван стоял как раз на том

месте, где раньше была кровать, под которой прятались бандиты с ножами.

Трое мальчишек — коренных жильцов этого дома — лежали в тени под кряжистым кленом и скучали.

— Дело было вечером, делать было нечего, — монотонно повторял Гошка Буянов, — жарили картошку, ошпарили Тотошку... А дальше как?

Как дальше, никто не помнил.

— Дело было вечером, делать было нечего...

— Может быть, помолчишь? — попросил Витька Грохотов.

— Как вчера здорово овощехранилище горело! — сказал Гошка.

— Пять пожарных машин прикатили, — приоткрыл глаза под очками Коля Бэс. — За полчаса потушили.

— А знаете ли вы, — сказал Гошка, — что наш дом в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году построил купец второй гильдии Степан Харитонович Квасников?

— Из каких это источников? — спросил Коля, и даже очки в белой металлической оправе стащил с носа. Когда Бэс удивлялся, то его небесно-голубые глаза часто-часто моргали.

То, что дом построен в 1863 году, ни у кого не вызвало сомнений: на каменном фундаменте зубилом выбита дата. И никто бы не стал спорить с Буяновым и насчет купца Квасникова, если бы не Коля Бэс.

Дело в том, что Коля Бэс, настоящая его фамилия Бессонов, знал решительно все на свете. Поэтому его и прозвали Б Э С, то есть: Большой Энциклопедический Словарь. Когда он учился еще в третьем классе, то прочел все книги в школьной библиотеке. И вот уже три года записан в городскую. Говорят, и там скоро не останется ни одной книжки, которую бы не прочитал Коля. Все научные и технические журналы он

прочитывал от корки до корки. По истории, литературе и географии был первым в школе. Плохо обстояло у него дело лишь с пением и физкультурой. По этим предметам он с первого класса имел твердое «поср.». И хотя из-за этого он не был отличником, все знали, что Коля Бэс — первый ученик.

— Купец Квасников — известная личность! — с уверенностью заявил Гошка.

— В каком смысле? — спросил Коля. Он снова нацепил очки и с любопытством смотрел на Буянова.

— Его все раньше знали... Наш дом построил, потом эту... церковь на Круглой Горке!

— Ты ошибся на двести пятьдесят лет, — спокойно сказал Коля. — Часовня на Круглой Горке построена в тысяча шестьсот тринадцатом году, после эпидемии чумы, в голодный год.

— Был, говорю, такой Квасников! — заерепенился Гошка. — Спорим!

Коля пожал плечами и улыбнулся. Он никогда не спорил, потому что редко ошибался. Если он чего-либо не знал наверняка, то молчал. К нему даже взрослые обращались за самыми различными справками. Например: сколько населения в Австралии? Где родился Шопен? Кто такой утконос, птица или зверь? За что боги Олимпа наказали Прометея?

Коля Бэс отвечал не сразу, снимал очки и тер указательным пальцем свой заостренный книзу нос с двумя красными вмятинками от очков. Это он собирался с мыслями. Но ведь чтобы отыскать в настоящей энциклопедии нужные сведения, куда больше затратишь времени. Если Коля не мог ответить на вопрос, например, почему нынче куры на базаре, он смущенно разводил руками — мол, извините, дал маху...

Если Коля Бэс спорить не стал, то Витька Грохотов не такой человек, чтобы уступить Буянову. Он вскочил

с травы и протянул руку. Гошка тоже поднялся и сжал Витькину ладонь.

— Если я выиграю — отдашь нож, — сказал он.

— А ты пойдешь к Принцессе, опустишься на колени и при всех поцелуешь руку.

Гошка с негодованием посмотрел на приятеля:

— Чтобы я перед девчонкой...

Витька достал из кармана великолепный нож с выгнутой костяной рукояткой в желтом чехле и подбросил на ладони. Этот нож подарил ему в день рождения отец.

— Ну так как?

— Насчет церкви я не буду спорить, — сказал Гошка, глядя на нож. — А вот что наш дом построил купец Квасников — другое дело.

Витька заколебался: жалко, конечно, такой нож проспорить. Он взглянул на Колю: тот все еще лежал на траве и, морщась, жевал горький стебелек. Этот спор его совсем не интересовал.

— Эй, Бэс... — решил Грохотов. — Разбивай.

* * *

Мальчишки молча шагали по улице. Впереди Гошка, за ним Витька, и шествие замыкал Коля — ему совсем не хотелось тащиться по такой жаре бог весть куда. Бэсу хотелось в прохладном, тенистом местечке улечься с книжкой в руках. Он и так знал, что Буянов проиграет, потому что их дом никогда не принадлежал никакому купцу Квасникову. Этот дом построило страховое общество, которое до самой революции располагалось на втором этаже, а на первом была швейная мастерская. После революции дом передали под жилье.

— Вот поеду летом куда-нибудь, — говорил Гошка, — там мне твой ножик пригодится.

— Это еще бабушка надвое сказала, — заметил Витька.

— Не бабушка, а дедушка сказал, — загадочно ухмыльнулся Гошка.

— Далеко еще? — спросил Коля.

У него с самого рождения плоскостопие, и он быстро уставал. А тут еще такая жарница! Витька и Гошка шлепали босыми ногами по горячему тротуару, им и горя мало. А Коля ковылял сзади на своих длинных ногах-ходулях в парусиновых туфлях. Бэс худющий и на голову выше приятелей, а толку что? Любой из них в два счета справится с ним. Крепкие, мускулистые, они в забеге на три километра взяли призовые места в школе: первое — Гошка, а Витьке досталось второе. Злые языки поговаривали, будто Буянов в одном месте срезал дистанцию, но этого никто не смог доказать.

Мальчишки вышли на окраинную улицу. Асфальт кончился, и они зашагали по обочине булыжной мостовой. Здесь стояли старые, с перекосившимися окнами деревянные домишки. Из-за дощатых провисших заборов выставили свои ветви фруктовые деревья. Город на всю округу славился богатыми садами. Осенью на базаре ломились столы от всевозможных фруктов. Яблоки, груши, сливы продавали ведрами.

Сейчас мертвый сезон: в садах ни яблочка. Черешня и та созреет только через месяц-полтора. Поэтому мальчишки равнодушно поглядывали на свесившиеся через забор ветки с маленькими зелеными завязями, а хозяева мирно занимались своими повседневными делами и вовсе не следили за этим опасным народом — извечным врагом всех садоводов.

У маленького дома с красной черепичной крышей Гошка остановился.

— Пришли? — спросил Коля.

У него на лбу и носу — крупные капли пота. Он уселся на низенькую скамейку у окна, сбросил туфли и, блаженно зажмурившись, стал шевелить разопревшими пальцами ног.

Буянов скрылся в полутемных сенях и долго не появлялся. Коле было безразлично, а Витька с нетерпением поглядывал на дверь. Наконец появился Гошка с маленьким старичком, до самых глаз заросшим белой бородой. Старичок хромал и опирался на полированную палку с резиновым наконечником. Глазки у него были маленькие и бесцветные.

— Это дедушка Бурундуков, — сказал Гошка.

— Ась? — спросил старик и приставил согнутую ладонь к уху. Дедушка Бурундуков в придачу ко всему был и глухой.

— Зачем ты бедного старичка с печки стащил? — спросил Грохотов.

— Он лично знал купца Квасникова, — сообщил Гошка. — Горб гнул на него в то проклятое время.

— Ась? — моргая, спросил дедушка Бурундуков.

Витька, поддерживая старичка под руку, усадил его на скамейку рядом с Колей. Буянов нагнулся и зарорал в дремучее ухо Бурундукова:

— Дедушка, правда, что дом на Троицкой улице... ну, этот, двухэтажный... построил купец второй гильдии Квасников?

— Почему на Троицкой? — удивился Витька. — Наша улица — Чапаевская.

— Это теперь, балда... — отмахнулся Гошка. — А раньше была Троицкая. Спроси у Бэса.

Коля кивнул, и Витька успокоился.

Когда Буянов в третий раз прокричал старику в ухо про купца Квасникова, тот наконец сообразил, о чем речь.

— Как же, родимый, помню, царствие ему небесное... От заворота кишок преставился в одночасье.

— Вот видишь? — Гошка взглянул на Витьку. — Был Квасников.

— Как же, помню, — шамкал старичок. — Я каждый год нанимался к ему на лабаз бочки катать. У него рыбзавод был, родимый...

— Рыбзавод? — наморщил лоб Коля.

Гошка с испугом взглянул на него и схватил за руку Грохотова.

— Все ясно, гони ножик, — сказал он.

— погоди, — отмахнулся тот и тоже заорал в ухо старичку: — Какая у него фамилия-то была, у купца? Может быть, Хлебников? Или Пивоваров? Или Лимонадов?

— Во-во, Парамонов, — заулыбался старичок.

— Ты же говорил, дедушка, Квасников? — в другое ухо завопил расстроенный Гошка.

— Как же, помню. У него лабаз был. Кажинное лето бочки с селедкой катал...

— С какой селедкой? — плачущим голосом закричал Гошка. — В нашей речке паршивого пескаря не поймает!

— Сколько лет-то твоему дедушке? — миролюбиво спросил Витька, он уже был уверен в выигрыше.

— Он сам не помнит, — отмахнулся Гошка и снова нагнулся к заросшему седыми волосами уху старика. — Что же ты, дедушка, все путаешь? Тогда одно говорил, сейчас другое?

— А ты что, купцу-то сродственник будешь? — спросил дед.

— Эх, дедушка, дедушка... — сказал Гошка и, безнадежно махнув рукой, отошел в сторону.

— Ты, Гошка, проспорил, — подытожил Бэс. — Твой дедушка — источник весьма ненадежный!

— Завтра пойдешь к Принцессе, встанешь на колени и...

— Хочешь, свою заветную битку отдам? — предложил Гошка. — Ни у кого такой нет.

— ...поцелуешь руку и еще скажешь, что ты болван! Нашел, называется, свидетеля! — закончил Витька.

— Не буду я целовать ей руку, — угрюмо сказал Гошка.

— Будешь, — усмехнулся Витька.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Аллочка Бортникова жила на втором этаже в пятнадцатой квартире. Напротив Грохотовых. У всех перед дверями постелены домотканые половички, а у Бортниковых — настоящий коврик с красивым рисунком. Случалось, то в одной квартире, то в другой громко заспорят: или жена мужа ругает, или муж и жена детей своих за что-нибудь отчитывают. И тогда раздраженные голоса гулко разносятся по длинному полутемному коридору. А у Бортниковых никогда не повышают голоса.

Они приехали сюда полгода назад из Ленинграда. Василий Петрович, Аллин отец, инженер-строитель. Он строил в городе новую электростанцию. Жена его,

Вера Николаевна, преподавала в музыкальной школе. Вела класс скрипки.

Когда мальчишки в первый раз увидели Аллочку Бортникову — все обалдели: высокая, длинноногая, с толстой желтой косой на плече и большущими синими глазами. Красотка с журнальной обложки. На мальчишек Аллочка не обратила ни малейшего внимания. Она даже не посмотрела в их сторону.

— Ребята, принцесса... — с восхищением сказал Буянов.

— На горошине... — прибавил Витька Грохотов, которого задело такое откровенное пренебрежение приезжей девчонки.

Так с первого дня и закрепилось за Аллой Бортниковой прозвище: Принцесса на горошине.

* * *

Посмотреть, как самонадеянный Гошка Буянов встанет перед гордой Аллочкой на колени да еще поцелует ручку, собрались мальчишки и девчонки со всего дома. Об этом позаботился Соля Шепс, которому больше всех перепадало от Буянова. Конечно, никто и вида не подавал, что пришел в парк специально поглазеть на эту сцену. Все занимались своими обычными делами: Соля Шепс с мальчишками играл на тропинке в ножички, голенастые девчонки прыгали по расчерченным на земле классам и толкали ногами обломки красной черепицы, Витька Грохотов, рыжий толстяк Саша Ладонщиков и одноглазый Толик Воробьев сидели под толстым кленом и, заливаясь хохотом на весь двор, уже в который раз обсуждали кинокартину «Веселые ребята».

— А помнишь, как бык поддел эту штуку рогами... — говорил кто-нибудь — и все хохотали.

— А когда он... вилкой... в живого поросенка...

И снова все хохотали до упаду.

Не смеялся лишь Гоша Буянов. Он вырезал перочинным ножом на коре дерева свое имя и время от времени с беспокойством поглядывал на дверь, втайне надеясь, что сегодня Алла Бортникова не выйдет на улицу. Мало ли что может произойти: зуб заболел, или не в настроении, или интересной книжкой увлеклась...

— Айда на речку? — предложил Гоша, пряча нож в карман.

— Успеется, — сказал Витька и тоже взглянул на дверь.

Никто не знал, когда Принцесса на горошине соизволит появиться во дворе. Принцессы, как в сказке, появляются неожиданно. Но, как оказалось, и это предусмотрел сообразительный Соля Шепс. Он подучил свою старшую сестру Соню зайти к Бортниковым и вызвать Аллу на улицу. Принцесса позволяла Соне Шепс дружить с ней. Больше этой чести в доме никто не был удостоен. Люся Воробьева, сестра одноглазого Толика, пыталась подружиться с Аллочкой, но та без всякого воодушевления встретила эту попытку, и Люся с тех пор подчеркнуто холодно обращалась с Принцессой. Хотя все знали: посмотри на нее Аллочка ласково, и Люся сразу растает. Но Принцесса почему-то не смотрела на нее ласково.

С мальчишками у Алочки отношения были сложными. Другие девчонки играли с ребятами в лапту, в прятки, в чижика, в пятнашки. В общем, свои девчонки, с одного двора. Аллочка — другое дело. Хотя она и перешла в восьмой класс, как и Витька Грохотов, Гошка Буянов и Коля Бэс, но выглядела рядом с ними настоящей девушкой. И в глазах у нее иногда появля-

лось такое, что ни у одного мальчишки не поднималась рука дернуть ее за желтую роскошную косу.

И все же несколько дней назад, когда все возвращались с последнего урока домой, ошалевший от радости по случаю долгожданной свободы Гошка Буянов огрел портфелем Люсю Воробьеву, потом Сою Шепс, еще какую-то девчонку и наконец, подскочив к Аллочке, шлепнул и ее пухлым портфелем.

Если Люся и Соня с веселым визгом стали гоняться за Гошкой, то Принцесса повела себя совсем иначе. Она остановилась и, подождав, пока девчонкам надоело бегать за Гошкой, подозвала его. Буянов, покрасневшийся и бесшабашный, подошел к ней и снова замахнулся было портфелем, но, встретив ледяной взгляд Принцессы, опустил руку.

— Сейчас же извинись, — сказала Алла.

Гошка, ухмыляясь, оглянулся на ребят, которые, стоя поодаль, наблюдали за ними.

— Я должен извиниться... Вы слышали?

— Я жду, — сказала Принцесса, все так же холодно глядя ему в глаза.

— А этого не хочешь? — сказал Гошка и показал кукиш.

Принцесса размахнулась и залепила ему звонкую пощечину. Девчонки так и ахнули.

Широкое Гошкино лицо залила краска. Он выругался, швырнул на землю портфель и сильно толкнул Аллу в грудь.

Девчонка пошатнулась, но не упала.

— Мне неприятно, что я живу в одном городе с тобой, — спокойно сказала она.

Гошка хотел еще раз ударить, но тут подошел Витька Грохотов. Обхватив Буянова поперек туловища, он оттащил его от побледневшей Принцессы.

— Я ей покажу! — вырывался Гошка.

— Еще бы! — презрительно сказал Витька. — Ведь ты у нас известный спортсмен...

Буянов и Грохотов занимались в спортивной школе. И даже один раз выступали на городских соревнованиях по вольной борьбе.

После этого случая Принцесса не замечала Буянова. Встречаясь с ним на переменах в школе или около дома, проходила мимо, словно он, Буянов, пустое место.

Почему Витька, споря с Гошкой, предложил ему поцеловать руку Принцессы, он и сам не знал. Где-то в глубине души у него остался неприятный осадок от сцены у школы. Возможно и потому, что Алла приехала из Ленинграда и была не похожа на остальных девчонок. И если бы его приятель, Гошка Буянов, еще раз ударил ее, наверное, Витька подрался бы с ним. Он сам никогда не ударил ни одну девчонку, и ему было противно, когда другие поднимали на них руку.

И еще одно: Витька чувствовал, что презрение Принцессы распространяется и на него. И если остальным, в том числе и Гошке, было наплевать на то, что думает о них Алла Бортникова, то Витьке — нет.

Как бы там ни было, Грохотов тоже немного волновался. Кто знает, чем вся эта затея может кончиться?

* * *

Когда Принцесса в сопровождении Сони Шепс показала в дверях, все уставились на Гошку. А он кромсал ножом кору многострадального клена и делал вид, что не замечает ее.

— Валяй, — негромко сказал Витька, дотронувшись до его плеча.

— Я тебе это припомню... — пробурчал Гошка.

Он нехотя поднялся и, набычившись, двинулся к Аллочке — она отщипывала от булки маленькие кусочки и бросала голубям, суетившимся у ее ног. Принцесса была в хорошем настроении, улыбалась и что-то на ухо говорила Соне.

По Гошкиной спине было видно, как не хочется ему подходить к Алле, но, по законам Чапаевской улицы, раз проспорил — кровь из носу, а выполняй! Он остановился в нескольких шагах от нее и уставился себе под ноги. Голуби на кривых красных лапках подбежали к нему, дожидаясь подачи, но Буянову было не до них. Он никак не мог заставить себя согнуть колени.

Принцесса подняла голову и с любопытством взглянула на Гошку. И это было удивительно, что она его заметила. Раньше смотрела сквозь него.

— Я болван... — выдавил из себя Буянов, не глядя на нее. — И это...

— Гоша, — сказала своим мелодичным голосом Принцесса, — у меня к тебе большая просьба... Мы вчера вечером играли в волейбол, и мяч застрял на дереве в ветвях.

Гошка выпрямился, покосился на Витьку и с готовностью спросил:

— На каком?

— Соня, покажи, пожалуйста.

Соня еще не успела и рот раскрыть, как Гошка бросился к дереву и кошкой вскарабкался на первый сук. Еще секунда, и он скрылся в ветвях. Немного погодя тугой черный мяч глухо шлепнулся в траву. Принцесса улыбнулась и поблагодарила Гошку, все еще ворочавшегося в ветвях.

Девчонки ушли с мячом на речку. Витька Грохотов и Соля Шепс остались у дерева, дожидаясь, когда спустится Гошка.

— Ушла? — слышался из густой листвы его голос.

— Что же ты не поцеловал ручку? — спросил Соля. Гошка спрыгнул в высокую траву и ласково позвал Шепса:

— Иди-ка сюда, что-то я тебе скажу...

Но хитрый Соля отошел еще дальше.

— И на колени не встал? — сказал он. — Витя, ты не засчитывай ему.

Гошка сделал великолепный прыжок, но Соля повернулся и пулей припустил вслед за девчонками.

— Поросенок, — добродушно сказал Буянов. Он был доволен, что все так хорошо обошлось.

— Никогда не знаешь, что у нее на уме... — задумчиво сказал Витька.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗАГОВОР НА ЧЕРДАКЕ

Где-то на границе темными ночами гудели моторы пятнистых остроносых грузовиков с прицепленными к ним пушками, рокотали и лязгали железом укрытые маскировочными сетками танки. На аэродромах притаились вражеские бомбардировщики с подвешенными бомбами, готовые по первому сигналу подняться в воздух. Жерла полевых орудий разных калибров были наведены на пограничные города и села.

Война стояла у самого порога, готовясь без стука войти в наш дом.

А те, кому суждено было скоро умереть в адском грохоте разрывов фугасных бомб, беспечно весели-